

ДЕТЕКТИВ ВЫСОКОГО ПОЛЕТА

Евгения
Ветрова

ТОЧКА
НЕВОЗВРАТА

Детектив высокого полета

Евгения Ветрова
Точка невозврата

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ветрова Е.

Точка невозврата / Е. Ветрова — «Эксмо», 2022 — (Детектив
высокого полета)

ISBN 978-5-04-174776-3

«Точка невозврата» – это захватывающий детективный роман, большая часть действий которого происходит в замкнутом пространстве, но из-за этого он нисколько не теряет динамичности. Жанна, работающая стюардессой, готовится к очередному полету: она много раз поднималась в небо, но из-за трагедии в прошлом теперь боится летать. Ее работу затрудняет и то, что в салоне самолета она видит бывшего парня. Жанна сталкивается с серьезными проблемами, которые могут стоить ей жизни, но не опускает руки и пытается разобраться в том, что случилось. И чем глубже она начнет погружаться в мир пассажиров, тем опаснее будет становиться роковой полет...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174776-3

© Ветрова Е., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Евгения Ветрова

Точка невозврата

© Евгения Ветрова, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

**ДЕТЕКТИВ
ВЫСОКОГО
ПОЛЕТА**

**Евгения
Ветрова**

*ТОЧКА
НЕВОЗВРАТА*

Москва
2022

Глава 1

Тринадцать лет назад

Ледяная крошка брызнула веером. Удар пришелся как раз в середину цифры «восемь» на спине и впечатал игрока в синей форме в борт хоккейной коробки. «Хех!» – выдохнул он, чувствуя, как затрещали ребра. Оттолкнулся, попутно поддев плечом противника, успел заметить лицо «двадцатки», прошипел:

– Отвали, Лапа!

Но было поздно. Потерянная шайба уже металась от клюшки к клюшке, неумолимо приближаясь к заветной цели.

– Пасуй! Лапа, пасуй! – раздался крик.

Обманное движение, обводка противника, шайба влетела в ворота. Вопли пронеслись горьким и радостным эхом под высокими сводами спортивного комплекса. Лапа, игрок в красной форме, «двадцатка», катился прочь от ворот, высоко потрясая клюшкой.

– Лапа! – громко крикнул «восьмерка» и провел крагой по горлу.

Лапа опустил клюшку, постучал ею по льду, словно приглашая противника к схватке. «Ну погоди же, – пробормотал «восьмерка», – сейчас я тебя сделаю». Стремительно бросился к игроку в красной форме, который вел шайбу, вздернул вверх его клюшку, давая шайбе продолжить скольжение, ловко перехватил и помчал на поле соперника.

Лапа бросился в погоню, терзая лед, и почти догнал, когда резкий звук свистка остановил его.

– Парни! Заканчиваем, – тренер подал сигнал еще раз, давая отбой игре. – Все, я сказал!

Хоккеисты подросткового клуба «Заря», тяжело отдуваясь, покатались к открытой в борту калитке. Тренер одобрительно посмотрел на их мокрые лица – выложились по полной. Молодцы. Двое игроков все еще толкались возле одних из ворот, шелкая клюшками по льду. Шайба отлетела к борту, раздался гулкий звук. «Восьмерка» метнулся за ней, сзади в него врезался «двадцатый», проведя неплохой хит.

– Двадцатый и восьмой, для вас особое приглашение? – Свист и последующий окрик, казалось, не возымели на мальчишек никакого действия. Тренер нахмурился. В кармане затрепыхался телефон, звонили из Комитета по спорту, и он спешно вышел в более тихое место. Мимо, тяжело грохая ботинками, протопали в раздевалку запаренные мальчишки.

– Да нет же, все равно я тебе сейчас вдую! – «Восьмерка» силился прорваться к воротам.

– Кишка тонка. – «Двадцатый» упал на колени, поймав шайбу.

– Простите, здесь сейчас наше время...

Хоккеисты дружно развернулись. Мальчишка лет тринадцати в синем трико с серебряным позументом строго смотрел из-под светлой челки.

– Ой, кто это тут? – дурашливо пропел «восьмерка». – Никак детский сад на прогулке?

– Нет, это попугаи сбежали из зоопарка. – «Двадцатый» быстро поднялся на ноги и легонько ткнул мальчишку крагой в плечо. – Смотрите на него: наше время, – передразнил он.

– Да, – твердо повторил фигурист, – наше время, и я вас прошу освободить лед. Мы такие же спортсмены, как и вы, и тоже платим за тренировки.

– Такие же? – громко захохотал «двадцатый», а следом за ним «восьмерка». – Да вы посмотрите на него! Еще бы в колготках на лед вышел.

– Да о чем ты с ним говоришь? Это же не мужик. Так... недоразумение в стразах, – «восьмерка» презрительно цыкнул сквозь дырку в зубах.

– По-вашему, мужик только тот, кто тупо ездит туда-сюда и гоняет дурацкую шайбу? Вот уж точно интеллектуальное занятие, – фигурист тряхнул челкой.

– Че ты сказал? – «восьмерка» грозно набычился.

– Подожди, – «двадцатый» отодвинул приятеля. – Значит, дурацкое? Ну-ка держи, – он сунул клюшку в руки оторопевшему мальчишке. – Докажи, что мужик, а не чмо в лосинах.

– И не собираюсь! – Клюшка упала на лед с глухим стуком.

– Да чего ты с ним возишься. Он же из этих, – «восьмерка» сделал неприличный жест.

Лицо мальчишки залила краска.

– Сам ты из этих! Идиот!

– Ой, ну точно! Смотри, как покраснел! А волосики-то длинные, как у девчонки. Девочка, а девочка, как тебя зовут?

Мальчишка замахнулся на обидчиков. Те со смехом разлетелись в стороны. «Восьмерка» клюшкой зацепил одиноко лежащую шайбу и погнал ее по льду. Возле фигуриста резко затормозил, погнав шайбу возле самых его ног.

– Ну, давай, – подначил он, – давай. Докажи, что мужик. Поймаешь шайбу – первый тебе руку пожму. Становись, – он кивнул на пустые ворота.

Фигурист посмотрел на ухмыляющиеся лица парней. Оглянулся на двери в раздевалку, откуда должен был появиться тренер.

– Думаешь, не смогу? – зло выпалил он. – Думаешь, самый крутой? Восьмой номер нацепил и считаешь, что на Ови стал похож? Да ты и рядом не стоял!

– О! Да ты хоккеем смотришь, девочка?

Хоккеисты громко засмеялись и застучали клюшками по льду. Фигурист сжал губы. Да, он любил хоккей, но ему нельзя в него играть. Надо беречь руки и ноги. И тренер его убьет, если... Он посмотрел на хоккеиста в синей форме. Такой же парень, может, чуть старше. Лет пятнадцати, а кажется уже таким взрослым и сильным. Да, у него там накладки на плечах и груди. Но глаза – глаза не совсем детские. И лицо... Он кивнул и поехал в сторону ворот. Встал посередине, чуть согнул ноги в коленях, выставил перед собой клюшку.

– Молодец! – крикнули ему. – Держи!

«Восьмерка» покатал шайбу влево-вправо, подмигнул другу, тот ухмыльнулся, предвкушая потеху. Клюшка чиркнула по льду, подцепила шайбу под доньшко, и та, влекомая силой удара, не скользнула по гладкой поверхности, а подлетела и понеслась вперед. Напрасно мальчишка выставил клюшку, шайба ударила его по ноге и отлетела вбок. Фигурист рухнул на колени. Не очень приятное падение. Впрочем, эта боль не глушила боль, которая разливалась по голени. Он застонал, чувствуя, как слезы сами катятся по щекам.

Хоккеисты смеялись и хлопали друг друга по наплечным щиткам.

– Молодец! Классный буллит.

– Все, идем. Саныч ругаться будет.

Они оглянулись на согнутого мальчишку и поспешили на выход. Фигурист с трудом встал. Нога почти онемела. Он все же толкнулся и покатал на здоровой ноге прямо на хоккеистов. Рука, сжатая в кулак, впечаталась в спину «двадцатки». Хоккеист оглянулся и ударил худенького противника в грудь растопыренной ладонью. Мальчишка отлетел и треснулся об лед, проехав на спине по инерции. И остановился. И больше не двигался.

– Тоже неплохой буллит, – хмыкнул «восьмерка». Они вышли со льда и скрылись в дверях раздевалки.

* * *

Девочка в шифоновом платье, расшитом пайетками, замешкалась у бортика, снимая чехлы с лезвий. Где же Глеб? Он же вроде должен приехать раньше нее. У него сегодня было занятие с репетитором по математике, который жил недалеко от спортцентра. Девочка положила чехлы на скамью и скользнула на лед. Нет, Глеб уже пришел. Только почему-то улегся

прямо на лед, да еще и в костюме для выступлений. Совсем уже, что ли? У них соревнования совсем скоро. Уже несколько дней они оттачивали программу, привыкая к костюмам.

– Глеб! – позвала она. – Хватит шутить!

Глеб не шутил. Он лежал и смотрел вверх широко открытыми глазами. По льду растекалось что-то яркое и алое. Из ее груди вырвался крик, ударил в стальные перекрытия и взорвался многократным эхом в потолочных окнах.

Потом ей долго будет сниться это алое пятно на белом поле. Нет, не долго – всю жизнь.

– Что? Что случилось? – по льду уже бежала женщина в спортивном костюме. Резко затормозила, ахнула, рванула на себя девочку, прижала к себе.

Хоккейный тренер, как раз закончивший разговор, выбежал на каток. Быстро набрал номер спортивного врача, потом «Скорую». Его подопечные столпились у калитки, перешептывались. Тренер поискал глазами и не нашел того, кого хотел.

– Уведите ее, – шепнул он женщине. – «Скорую» я вызвал. И врач сейчас придет.

– Ему нужна помощь! Вы же видите, у него кровь! – кричала девочка.

Тренер присел рядом с телом, взгляделся в неподвижное лицо.

– Пустите меня! Глеб! Пустите!

Тренер все понял: судебное разбирательство как минимум.

Женщина пыталась вывести девочку с катка. Та упиралась, но все же потихоньку двигалась в сторону открытой в коробе калитки.

Тренер на секунду задумался. Рука его скользнула вниз по ноге фигуриста. Быстрым движением он дернул конец шнура на ботинке и встал. Как раз когда послышались торопливые шаги.

– Что тут? – запыхавшаяся женщина-врач держала в руке аптечку.

– Да вот, Ирина Павловна, кажется, несчастный случай.

Ирина Павловна нагнулась и взгляделась в лицо пострадавшего.

– «Скорая» едет?

– Да.

– Трогать не будем, – Ирина Павловна открыла чемоданчик. – Скорей всего черепно-мозговая. Адреналин вколю для поддержания... Как же это он так?

– Шнурок развязан, споткнулся, наверное...

– Беда какая.

«Беда, – подумал тренер, – еще какая беда». Он повернулся к своим ребятам.

– Что встали, парни? Переодеваться и ждать меня. Понятно?

Его игроки дружно кивнули и покинули лед. А тренер фигуристов прижимала к себе девочку, гладила по голове. Утешала. Хотя как тут утешить.

С улицы долетел тоскливый вой сирены.

Глава 2

Наше время

Храбрец умирает один раз, трус – многократно, но все же не каждый день, как она. Жанна сунула ноги в удобные лоферы, провела рукой по волосам, стянутым в аккуратный пучок. Пора. Чемодан с вечера стоял на страже возле дверей. Портплед с формой висел на руке. На пороге она оглянулась, прикидывая, не забыла ли выключить свет, воду, газ, утюг... поняла, что просто оттягивает момент, когда надо будет выйти за дверь и нажать кнопку лифта. «Темной-пре-темной ночью шел суслик по лесу и ничего не боялся», – пробормотала она привычную мантру и хлопнула замком.

Почтовый ящик ощерился газетами, как объевшийся тростника бегемот. Она вытащила кипу никому не нужных газет и рекламных проспектов и, воровато оглянувшись, запихала за батарею. Тащить это до помойки не было времени, а оставлять в ящике – провоцировать воришек, показывая, что хозяев дома нет. Непонятно, как ее до сих пор не обнесли, с ее работой. Правда, брать у нее особо нечего, разве что холодильник и новенькую плазму.

Почтовый конверт выпал из вороха бумаг и спланировал прямо к блестящим носам лоферов. Она подняла его, перевернула. Обычный белый конверт. Заклеенный. Без марок и адресата. Нехороший холодок пробежал вдоль позвонков до самого копчика, она передернула плечами. Дверь квартиры напротив почтовых ящиков клацнула замком. На площадку высунулась голова с фиолетовыми кудельками.

– А, это ты? – Голос у пожилой соседки, за глаза называемой «пилорамой», действительно напоминал звук несмазанной циркулярки. – А я смотрю, кто-то у ящиков возится и возится, возится и возится. Вчера вон у Смирновых чуть квартиру не обчистили, хорошо, я вовремя заметила, позвонила куда следует. Так они знаешь что удумали, аспиды? Ключи мои украли. Это чтобы я из квартиры выйти не могла.

– Кто украл? – удивилась Жанна, на миг забыв и про конверт, и про все.

– Так эти ворюги, – старуха вышла на площадку, придерживая дверь ногой. Цветастый фланелевый халат, распахиваясь, являл миру ситцевую ночнушку в голубых незабудках. – Узнали, что их планам коварным помешала, и сперли ключики мои, – старуха всхлипнула и утерла глаза сморщенным кулачком. – Знают, что последние. Мне теперь из дома не выйти. Помирать теперь... кто хлебушка принесет? Никто. Как пенсию получить? Никак.

– Подождите, Нинель Адамовна, – Жанна пристроила портплед на ручку чемодана и подошла к ней, – давайте разберемся. Как они попали к вам в квартиру? Вы же позвонили в полицию? И что было дальше?

Нинель Адамовна вскинула на нее выцветшие глаза. Жанна терпеливо ждала. От вредной старухи стонал весь дом – жалобы на соседей сыпались из нее как из рога изобилия, но в то же время она бдительно охраняла подступы к квартирам.

– А, – воспоминания хоть и медленно, но загрузились в фиолетовую голову, – позвонила, да. Пока они ехали, те уже убежали. Я видела, как мимо шмыгнули трое таких... – лицом она изобразила каких.

– А ключи? – напомнила Жанна. – Вы сказали, ключи у вас украли. Кто-то заходил к вам?

– Точно! – Нинель Адамовна широко улыбнулась. – Я на почту ходила, жалобу отправить этому, как его... прокурору. Вернулась. Углядела аспидов этих, сообщила куда следует. Они мне еще нахамили там, мол, отстань, бабка, не мешай работать. То есть честные граждане им работать мешают, каково? Ну вот я еще устрою...

– Ключи-то как пропали? – напомнила Жанна, глянув на часы. Стрелки неумолимо ползли к критической отметке. Опаздывать было нельзя категорически.

– Так и говорю же, позвонила в полицию, а они там и говорят, мол, устали от тебя, бабка. У меня аж давление поднялось. Я в аптеку собралась, а ключей-то и нет! Украла, аспиды, как есть украла!

Жанна задумалась. Никто, конечно, ключи не крал, но старуха, пожалуй, и правда застрянет в доме, боясь уйти, не заперев квартиру. Еще и помрет, не дай бог, к ее возвращению. Времени было в обрез, но Жанна тронула старушку за худенькое плечико.

– Вы позволите? – она кивнула на вход в квартиру.

– Ну что ж, проходи, – старуха удивилась и пропустила ее вперед.

Жанна быстро огляделась. В тесной прихожей торчала крытая вязаным ковриком табуретка: все же пенсионерка коротала время, подглядывая в глазок за соседями.

– Во сколько вчера звонили в полицию?

– Так вот с почты пришла аккурат перед обедом, смотрю, на втором этаже кто-то гремит, ну сразу и позвонила.

– А ходили в чем?

Нинель Адамовна тронула стеганое демисезонное пальто на вешалке. Пальто было на удивление добротным, явно новым. Жанна пощупала карманы и для верности еще и залезла внутрь. Пусто.

Старуха хмыкнула.

– Думаешь, не проверяла? Все перетрясла: карманы, сумки, даже тумбочку отодвинула. Украла ж, говорю! Пропала я, бедная. Это ж последние были... Замок теперь менять, да? – В голосе старухи звучало неподдельное отчаяние. – Это ж сколько денег-то?

– Может, сыну вашему позвонить? – с надеждой спросила Жанна.

– Вот еще! – Нинель Адамовна махнула рукой. – Поедет он, как же! Вон пальто мне и то с курьером прислал. Некогда ему, вишь. Плюнул на мать. Растила, кормила, выучила... а он и носа не кажет. Курьером мне присылает... аспид!

Дело пахло керосином. Ей уже давно надо было подъезжать к кольцевой автостраде, а она пытается спасти старушку от мифической голодной смерти.

– Курьер вчера приезжал? Ну, с пальто?

– Вчера. Думаешь, он ключи спер? Так ведь нет. Как бы я потом на почту попала?

– Ага. Сначала приехал курьер, потом вы пошли на почту? В новом пальто?

Старуха кивнула. Жанна посмотрела на вешалку. Какие-то кофты и тертые временем куртки висели рядами. Новое пальто – из непромокаемой зеленой ткани, со светозащитными нашивками на карманах – смотрелось тут инопланетным пришельцем. Жанна чуть улыбнулась, представив, как Нинель Адамовна, получив посылку, тут же побежала на почту, где, вероятнее всего, уже сложился кружок по интересам – хвастаться обновкой и заодно ругать сына, соседей и правительство. Жанна чуть наморщила лоб, вспоминая, что обычно носила соседка. Она выцепила взглядом серый драп с облезлым воротником. Сунула руку в один карман, в другой, пальцы коснулись холодного металла. Извлеченная на свет плотная связка ключей тихо звякнула.

– О! – Губы Нинель Адамовны сложились сморщенным удивленным колечком. – Как же это?

– Вы машинально сунули их в старое пальто. По привычке. Я сама такая же рассеянная, – тут она глянула на часы и метнулась к дверям. – Нинель Адамовна, я побегу. У меня рейс.

– Куда летишь? – Нинель Адамовна держала ключи на вытянутой вперед ладони, словно все еще не веря, что они нашлись.

– Самара. – Старуха блеснула глазами, и Жанна, предупреждая новый поток причитаний, быстро спросила: – Что вам привезти, Нинель Адамовна?

– Здоровья и молодости, – вздохнула Нинель Адамовна и поправила халат на впалой груди. – Ну с богом, – сухая птичья лапка перекрестила воздух, – может, жениха найдешь хорошего.

Дверь хлопнула, старуха шустро сунула ключ в замочную скважину и с наслаждением повернула три раза. Настроение у нее улучшилось, а как же – и ключи туточки, и пальто новое сыночка подогнал. Вечера на почте все от зависти чуть не лопнули.

Старуха пошаркала на кухню и пристроилась у окна, глядя, как долговязая соседка затаскивает чемодан в багажник машины. Так-то ничего девка, тоща только и бледна. Небось сидит вечно на диетах этих своих. Досидит, что ветром унесет. Потому и замуж не берет никто, а ведь не молодуха уже. Нинель Адамовна смахнула прозрачную каплю с кончика носа. Хорошая девка, но шалава, конечно, как и все нынешние, зато с пониманием. Подарочек вон обещала. Неважно какой. Хоть иголку, но подари. Окажи уважение.

* * *

Письмо в кармане, казалось, пыталось выбраться наружу. «Что ты как истеричка, успокойся, – приказала Жанна себе. Хотя с ужасом узнала это накатывающее на нее чувство. Пуховой подушкой оно накрывало голову, и тогда пространство вокруг замирало, становилось тягучим, как свежий мед, и необычайно отчетливо пронзительным. Каждый шаг отдавался в ушах многослойным эхом, доходящим до нее с еле секундной, но все же задержкой. – Только не сейчас. Нет!»

Глухой чмокающий звук – хлопнула дверца багажника – привел ее в чувство. Она потрясла головой. Приступов давно не было. С тех пор как она рассталась с Димкой. И слава богу! И вот опять. Причина была понятна. Письмо. Как правило, приступы случались в момент, когда что-то должно произойти. Она не сразу поняла это. А поняв, стала бояться. «Нет, – Жанна повесила портплед в салоне, – суслики не сдаются».

Мотор мягко заурчал. Прежде чем щелкнуть ремнем безопасности, она все же вытащила конверт, повертела в руках, надорвала: внутри находился шершавый лист бумаги (ее еще называют писчей), сложенный в четыре раза. Догадываясь, что ничего хорошего там нет, она все же развернула его и громко и сочно выругалась. Рисунок, похожий на детские каракули, изображал летящий носом к земле самолет. Печатные неровные буквы складывались в надпись: «Приятного полета».

– Чтоб ты сдох! – Жанна дернула рычаг и выжала сцепление. Посмотрела на руки. Не дрожат ли? Нет. А вот не дожدهшься. Ты, Димочка, не знаешь, что меня лучше не злить. Я тебе голову оторву. Когда доберусь.

* * *

Аэропорт – особая среда, тут не бывает случайных людей. Улетающие, провожающие, встречающие – у каждого в этом месте свое дело. Каждый знает, зачем он тут, но не каждый знает – почему. Жанна знала. Когда-то, сто лет назад один человек сказал ей: «Рожденный ползать летать не может». С тех пор прошло много лет: этого человека давно нет в ее жизни, а она летает.

Жанна вошла в раздевалку. Майка Веденева, уже затянутая в форменный костюм, трепалась с кем-то по телефону. Наталья Божко складывала одежду в чемодан.

– Что-то ты сегодня поздновато. И бледна. Не выспалась? – вместо приветствия сказала она.

Жанна мотнула головой и поспешила переодеться. Сворачивая плащ, она услышала шуршание. Письмо. Выкинуть пакость. Она вытащила конверт. Конечно, глазастая Наталья тут же пристала:

– О! От поклонника?

– Почти, – пришлось заставить себя улыбнуться. Конверт полетел в мусорное ведро, рисунок, свернутый аккуратной восьмушкой, пошел в карман синего с голубыми вставками форменного пиджака. Наталья не просто глазаста, но и не в меру любопытна, с нее станется и в мусорку залезть.

Жанна поправила воротник голубой блузы, разлаписто раскинувшийся на лацканах синего пиджака. Оранжевый платочек дополнял костюм. Видимо, по мнению дизайнера, яркое пятно в сине-голубой гамме должно было символизировать солнце. А может, что-то еще. Осталось последнее – головной убор. Она практически не смотрелась в зеркало, надевая отработанным движением форменную синюю пилотку с голубым кантом. И напоследок бросила взгляд на себя, чтобы убедиться, что ни один волосок не выбивается из гладко причесанных темно-шоколадных волос. Да, сегодня она что-то и правда бледна. Жанна пощипала скулы, пытаясь вернуть им цвет. Когда-то Таня отучила ее пользоваться тональным кремом и румянами. Сухой воздух салона обезвоживал кожу, косметика скатывалась, сыпалась, рисуя на лице уродливую маску. Вспомнилось, как, увидев ее первый раз, Таня воскликнула: «О, посмотрите на эту Белоснежку!» Она в тот раз действительно была бледна от страха, все же первый рейс. Возможно, от этого ее голубые глаза казались больше и темнее. Кличка приклеилась. Во всяком случае, в их маленьком и тесном кругу.

Жанна огладила себя по бокам, поправляя узкую юбку на бедрах.

– Туфли, – подсказала Наталья.

Жанна благодарно улыбнулась. Она вечно забывала. Достала черные узконосые туфли и со вздохом надела. Неудобно, зато элегантно. Встречать пассажиров надо во всей красе. Не забыть взять с собой сменку, а то ноги за время полета убудутся напрочь. Молния чемодана вжикнула.

– Я готова.

* * *

Перед медицинским кабинетом уже топтался Антон Фролов, молодой оболтус, которого в стюарды пристроил отец, какой-то аэрофлотовский начальник. Антон неплохо смотрелся в форменном пиджаке, и даже нарочито небрежная стрижка с бакенбардами, переходящими в щегольскую бородку, удачно вписывалась в образ. Фролов с Майкой были ровесниками, почти одногодками. Майка пришла в авиацию сразу после института. Правда, на кого она там училась, до сих пор было неясно. Как-то она поделилась с Жанной – хотела стать моделью, но не прошла по росту, а вот для самолетов оказалась самое то, что нужно. Ну и деньги опять же, и возможность познакомиться с кем-нибудь, лучше богатым и знаменитым. Правда, для этого она выбрала не ту авиакомпанию. «Скайтранс» выполняла исключительно внутренние рейсы экономкласса. Майка все порывалась довести свой английский до уровня международных компаний, но, видимо, не слишком усердно. Потому что уже год как летала в их экипаже и, кажется, смирилась с этим.

– Я старая касалетка¹, – шутила Наталья, которая летала восьмой год и, наверное, действительно могла гордо носить это почетное звание. У самой Жанны налета было всего пять лет, на что Божко всегда утешала: – Ничего, как тридцатник стукнет, приму тебя в свой клуб.

До тридцатника было еще целых три года, так что можно было не переживать.

---

¹ Старая касалетка – на авиасленге стюардесса с большим временем налета.

Дверь кабинета открылась, выпустив командира экипажа Лаврушина.

– Степан Андреевич, – Божко засияла хорошо сделанными зубами. – Вы сегодня прямо цветете. В парикмахерскую сходили?

Лаврушин добродушно усмехнулся. В свои пятьдесят семь лет он был еще огурцом и на пенсию не собирался. Да и кто его отпустит? Кого за штурвал посадить? Вторым пилотом у него был Ильяс Камаев. Хороший летчик, да. Немного рискованный в силу молодости. Ему бы «боинги» водить, но не судьба. А тех, кто из училища приходит, и к самолету подпускать страшно. Все надеются на технику и на автопилот.

– Степан Андреевич, – не унималась Наталья, – вы какой-то излишне возбужденный.

Лаврушин сделал недоуменный вид, но потом добродушно рассмеялся.

– Да рейс у нас сегодня какой, знаете? А... то-то. наших возем на матч. И не просто матч, а полуфинал. Так что надо, чтобы все прошло без сучка без задоринки. Но об этом еще на предполетном брифинге особо скажу.

– Фи, – Майка фыркнула. – Никогда не понимала, что хорошего смотреть, как бегают по полю куча мужиков за мячиком.

– Абсолютно согласен, – кивнул Лаврушин. – Ерунда это. А вот шайбу по льду гонять совсем другое дело. Ладно, после проверки жду всех на брифинг.

Лаврушин сиял лицом. О его страсти к хоккею ходили легенды. Наверняка, узнав, что хоккейный клуб арендовал чартер для поездки, сам же и подсуетился, чтобы рейс достался его экипажу.

Майка уставилась на него. Выпуклый лобик прорезала тонкая морщинка. Антон усмехнулся и хлопнул ее по спине.

– Мы хоккеистов возем. Это тебе не мячик. Это шайба. Умело брошенная шайба летит со скоростью больше ста километров в час. Хоккей – это серьезно, детка.

– А, – Майка дернула плечом. – А они так же, как и футболисты, зарабатывают?

– Да ты что! Больше. Гораздо больше, – Антон подмигнул Наталье. Он явно развлекался.

Наталья не поддержала шутку коллеги. Антон парень неплохой, но в последнее время как-то странно себя ведет. И эти его подмигивания... нет, конечно, приятно, когда молодняк на тебя так реагирует. Но заводить романы на работе – последнее дело. Вот как раз ходячий пример того, что бывает из-за служебных романов, – следующим из кабинета вышел второй пилот Камаев. С бесстрастным лицом и вежливой полуулыбкой. Такой весь загадочный. Специально, наверное, интересничает, знает, на что женский пол падок. Интересно, если бы не Антон, а Камаев ей подмигнул, она бы устояла? Надо у Жанки спросить. Она обернулась и тут же толкнула подругу в бок.

– Ты в нем сейчас дыру проглядишь, – шепнула она.

Жанна поспешно опустила глаза. Черт ее дернул как-то по пьяному делу сболтнуть при Наташке лишнего. Ну да, нравится ей этот неприступный как айсберг и такой же холодный второй пилот. Может, даже больше, чем нравится. Хотя кроме лица, украденного у какого-то голливудского актера, и фигуры, слепленной неким небесным Микеланджело, не было в Камаеве ничего хорошего, ровным счетом ничего. Кроме... кроме того, что рядом с ним у нее внутри начинали порхать те самые пресловутые бабочки, на время прогоняя мерзких жаб, которые давно и прочно обосновались там и не собирались уходить добровольно.

Камаев появился в компании примерно год назад. Но столкнулись они в одном рейсе не сразу. На предполетном брифинге, когда экипаж знакомился друг с другом, она сначала и не обратила на него особого внимания, подумала, ну вот еще один записной бабник, уж больно красив. Но потом она услышала его голос: бархатный, с грудными переливами – от него замирало сердце и начинало ныть чуть пониже диафрагмы. Это же невозможно – иметь такой голос, подумала она тогда, за это сажать надо. На цепь и с кляпом во рту. Перед глазами тут же родилась картина связанного второго пилота. Голого, но в фуражке. Она тогда громко фыркнула,

чем вызвала у Камаева слегка ироничный взгляд и легкую усмешку, словно он прочитал ее нескромные мысли. Этот взгляд и, главное, усмешка ввергли ее в крайнюю степень смущения так, что она совершенно неприлично залилась краской и до сих пор не могла без досады вспоминать этот эпизод.

– Не знаю, чем можно в этом толстокожем чудище дыру проделать, – буркнула она, – но явно не моим взглядом.

– У тебя все в порядке? Ты чем-то расстроена, я же вижу.

– Да все нормально. Просто... Устала, наверное.

– А я давно говорю, что надо тебе к моему косметологу походить. Чудо-врач.

Наталья улыбнулась, зная, что в свои тридцать выглядит лет на пять моложе. Она поправила пиджак на груди. Опять наела за выходные несколько лишних граммов. Теперь вот пуговица так и норовит расстегнуться. Хорошо Жанке – не ест и не хочет, а ей держаться подальше от холодильника помогает только сила воли да ипотека. Здравствуй лишний килограмм – прощай небо.

– Ты не слышала от Эльвиры ничего странного? – спросила Жанна, надеясь увести разговор от неприятной темы. – Мне показалось, что у нас опять какие-то проблемы. – Эльвира Дмитриевна была их инструктором, курировала их группу бортпроводников, назначала на рейсы, решала вопросы, давала втык, если нужно, такая «домоправительница-домомучительница».

Наталья махнула рукой:

– У нас всегда проблемы, ты же знаешь. Не бери в голову. Как-нибудь образуется.

Жанна кивнула для порядка. Слухи о финансовых проблемах и грядущей продаже компании одному из авиагигантов ходили давно и достаточно регулярно. Правда, каждый раз оказывались ложной тревогой. Все равно: дыма без огня не бывает. И если Наталья могла не слишком беспокоиться, имея мужа и финансовую поддержку, то Жанну эти слухи нервировали довольно сильно.

* * *

На предполетный осмотр Жанна всегда ходила последней, пропуская вперед всех остальных. Никто не удивлялся, возможно, считали, что это своего рода ритуал. А как в авиации без ритуалов? Никак. Кругом запреты и суеверия. Не фотографироваться перед полетами, например. Помимо общепринятых, каждый обрастал за время работы еще и собственными. В ожидании своей очереди она стояла, прижавшись лопатками к холодной стене, выравнивая дыхание. Где-то там, в глубинах сознания, трусливый суслик храбро шел по лесу... Она сделала последний глубокий вдох и шагнула к дверям медкабинета.

Для встречи с врачом полагалась одна из трех фирменных улыбок. Эта называлась «очень рада вас видеть».

– Жалобы есть? Когда были в рейсе последний раз? Как самочувствие?

Манжета туго обхватила плечо, сдавила мышцы, пережав сосуды. Через несколько секунд освобожденная кровь с силой хлынет по венам, выдав на дисплее показатели систолического и диастолического давления. У нее с детства пониженное. Но сейчас прибор показал норму, классические сто двадцать на восемьдесят.

«Жалобы есть, да. Знаете, доктор, я смертельно, до судорог, боюсь летать. Такая вот смешная шутка. Когда самолет начинает разбег, мое сердце разрывается на миллионы осколков, а когда шасси отрываются от земли, я готова прокусить себе руку. В момент посадки у меня холодеют пальцы так, что я не могу удержать трубку интеркома, чтобы сообщить пассажирам о прибытии в аэропорт назначения. А в остальном – все хорошо. Просто отлично».

Вслух же она сказала, конечно, другое:

– Жалоб нет. Последний рейс был два дня назад. Чувствую себя хорошо.

* * *

Брифинг закончился.

– Пора, – Камаев посмотрел на ручные часы. Они с Лаврушиным переглянулись. Командовать должен командир. Камаев и не оспаривал. Хотя один бог знает, как ему это тяжело давалось.

Лаврушин кивнул и подал знак. Дружно и давно заведенным порядком – впереди пилоты, за ними попарно бортпроводники – экипаж направился к пункту досмотра.

Оживший динамик набатом прохрипел какое-то объявление. Жанна вздрогнула: сообщение дошло до ее ушей с еле заметной задержкой. Идущие впереди двое мужчин в синей форме печатали шаг по керамзитовой плитке зала. И эхо их шагов, словно зависая, тоже не сразу фиксировалось сознанием. «Шел суслик по лесу, шел суслик по лесу», – фраза заметалась в голове, пытаясь пробить вязкую пуховую подушку. Она посмотрела в огромные окна на летное поле. Где-то там, на поле, их ждал самолет, уже заправленный, прошедший предполетный досмотр, нашпигованный всем необходимым. Як-42, небольшой, компактный, надежный. Очень похожий на тот, что падал носом вниз на странном детском рисунке, брошенном в ее почтовый ящик.

Глава 3

Шумели все. Если честно, ор стоял как на стадионе. Для Геннадия Павловича Мухина такой фон был привычен и даже радостен. Ничего, пусть пошумят, пар выпускают. За долгий путь от игрока до тренера он заматерел, покрылся коростой здорового скептицизма. Привык ничему не удивляться и сохранять спокойствие в непростых ситуациях. Победили – молодцы, проиграли – тренер виноват. Неблагодарная работа, но другой у него не было. Юбилей справил в прошлом году, теперь уж поздно коней менять на переправе, да и стоит ли. Он хрустнул шеей, размял кисти рук. Возраст давал себя знать. Давление, сосуды и прочее, но в принципе ничего серьезного, слава богу. Мы еще покажем, что «Буревестник» не какой-то там заштатный клуб, а серьезная команда. Мухин прикрыл глаза, тряхнул все еще густыми волосами.

Игра в этот раз предстоит серьезная. От победы в этом матче зависело многое и, конечно, главное – деньги. Спонсоры, дотации и прочее. Зарплата. Менеджер команды уже намекал на грядущие изменения. Организационные вопросы пусть руководство решает. Его дело дать ребятам установку на победу. И не дать совершить глупостей. А они наделать могут. Глупостей-то. Даром что не дети давно. Вон Борисову двадцать пять уже, но как отмочит чего, хоть стой, хоть падай. Зато игрок от бога. Лучший форвард команды, капитан. Хотя не без недостатков, да. Мухин поискал глазами, углядел фигурно выбритый висок: Борисов спокойно сидел в углу возле дерева в кадке, ковырялся в смартфоне и, казалось, единственный не принимал участие в веселье.

– Серега, расскажи, как ты вчера в клубе отжигал! – кричал кто-то. – Твой видос уже пять тысяч просмотров набрал. Видели, нет? Смотрите...

Раздался дружный гогот. Виновник веселья махал руками, в красках живописуя вчерашний вечер. Эта часть зала ожидания, плотно оккупированная членами хоккейной команды, сейчас напоминала раздевалку на стадионе после матча. Двадцать пять парней, от двадцати до тридцати лет, расположились в произвольном порядке и переговаривались друг с другом громкими и чуть охрипшими голосами.

Мухин подсел к сухощавому мужчине с костлявым лицом. Спортивный врач команды Усов посмотрел на него большими глазами.

– О чем ты вечно горюешь, Костя? – недовольно буркнул Мухин. – Баржа с сеном потонула?

– Извини, – скривился Усов, – не знал, что мой вид вызывает у тебя негативные ассоциации.

– Вот сколько тебя знаю, вечно у тебя на лице вся мировая скорбь.

– А что, есть повод радоваться?

– А ну тебя, – добродушно отмахнулся Мухин. Они работали вместе не первый год, привыкли друг к другу и прекрасно ладили.

Усов рыскал глазами по залу. Ищет жену, догадался Мухин. Виктория, вторая жена доктора, почти на пятнадцать лет моложе мужа, – его вечная головная боль. «Божественно красива», – вздыхал Усов, совершенно искренне любуясь точеной фигурой и безупречно гладкой кожей цвета топлёных сливок. Возможно, в роду Виктории имелась испанская кровь, в любом случае он так и называл ее: «Моя Кармен». Геннадий Андреевич ткнул приятеля в бок, Усов облегченно вздохнул, увидев супругу в компании Алены Порошиной.

Кирилл Порошин, второй нападающий двадцати девяти лет, молчаливый, покладистый, безотказный, напоминал спящего медвежонка, которого не стоило дразнить лишний раз. А вот жена его, Алена, у всех вызывала одно и то же чувство – обнять и защищать. Худенькая (в чем душа держится), светленькая, даже не просто светленькая, а какая-то словно специально выбеленная, с большими влажными оленьими глазами, она всегда была готова прийти на помощь:

утешить, обнять, накормить или просто молча пожалеть. Ее не трогал даже Борисов, от злого языка которого доставалось всем.

Алена копалась в сумке и что-то рассказывала Виктории. Виктория, похоже, не слушала, но изредка кивала, показывая заинтересованность. Не переставая быстро-быстро набирать сообщения. Иногда на ее губах мелькала улыбка. Видимо, то, что писал ей невидимый собеседник, забавляло ее.

– Еще я взяла пирожки, – говорила Алена. Ее глубокий и без всякой пискливости голос странным образом не соответствовал внешности олененка Бэмби. – Вчера испекла, не пропадать же им. Пока до обеда дело дойдет, ребята проголодаются. Ты не знаешь, чем в самолете кормить будут?

– Да чем и всегда, – хмыкнула Виктория, не переставая писать. – Мясо, курица, рыба. Эти обеды везде одинаковые.

– Не скажи...

Виктория внезапно подняла голову, посмотрела в спину мужа, о чем-то негромко беседующего с тренером, и грациозно встала.

– Сейчас приду.

Мелкими шагами она направилась в сторону туалета, не забыв полюбоваться фигурной тенью, мелькнувшей на стене. Она знала, что красива, знала, что вызывает у мужчин вполне определенные эмоции. Знала, но это никак не делало ее счастливее, скорее наоборот. Помещение, отделанное светлым кафелем, заливал свет дневных ламп под потолком. Она выбрала кабинку и заперлась в ней. Открыла последнее сообщение с прикрепленной фотографией. На ней виднелась часть тела, в которой угадывалась обнаженная мужская грудь с темной порослью волос и золотым медальоном на цепочке. Подпись под снимком вопрошала: «Слабо?»

Женщина тихо засмеялась, торопливо расстегнула блузку, приспустила ляжку бюстгалтера. Раздался щелчок камеры. Ответ пришел быстро: «И это все, на что ты способна? Я разочарован. Вот как надо». Открывшееся фото кинуло ее в краску. Она почти нажала на кнопку «Удалить», но передумала. Подышала немного, успокаивая сердце. Хмыкнула. Он хочет поиграть? Да, ее заводят эти игры. Эти невидимые эротические токи, текущие по сети, проникали в ее тело от каждой фразы и даже каждого знака препинания его сообщений. «Сексуальный террорист, – шепнули ее губы и сложились в улыбку, – но, клянусь, теперь ты от меня так просто не отделаешься. Я тебя все равно дожду». Виктория сняла блузку и повесила на крючок. Что ж, он хотел видеть больше? Он увидит.

* * *

Самолет в сине-голубой ливрее с яркой оранжевой полосой на фюзеляже невозмутимо пережидал предполетную суету. «Скайтранс», отгрызенный в свое время кусочек одной крупной авиакомпании, имел на балансе два десятка воздушных судов, выполнявших региональные перевозки, а также чартерные рейсы. Пилоты, уже осмотрев судно, устраивались в кокпите.

Бригадиром бортпроводников, как всегда, назначили Наталью как самую опытную, и та, конечно, в свой головной отсек взяла Жанну, отправив Майю с Антоном в хвост.

– Терпеть их обоих не могу, – с кривой ухмылкой пояснила она свой выбор. – Майя дурочка и паникерша, а от Антона с его плоскими шуточками у меня к концу рейса глаз задергается. Ей-богу!

Основной люк в хвостовой части, являющийся по совместительству и трапом, был откинут в ожидании пассажиров. Жанна заняла свое место возле входа.

– Вон наши паксы² едут, – Наталья указала на медленно катящийся по аэродрому автобус. – Ох, чувствую, хлебом мы сегодня.

– Все будет хорошо, – Жанна растянула губы в улыбке, поправила бейджик, платочек.

– Конечно! – тяжелая рука легла ей на плечо. – Все будет просто замечательно.

Лаврушин лично вышел встретить почетных гостей. Наталья еле заметно вскинула брови. Какая честь!

Двери автобуса распахнулись, на поле вывалилось десятка два молодых парней.

– Ты посмотри только на них, это ж умереть не встать, – вполголоса сказала Наталья. – Все как на подбор, ниже ста восьмидесяти и нет, пожалуй. Где только их берут, на каких дрожжах выращивают?

– Угу, на подбор, – Жанна усмехнулась, но еле заметно, краешком губ. – А вот и дядька Черномор.

Из автобуса вышел высокий, широкий в плечах, чуть огрузневший мужчина слегка за пятьдесят. Спортсмены почтительно расступились, позволив ему первому взойти на борт.

– Добро пожаловать, – ослепительно улыбнулась Наталья.

– Приятного полета, – точно так же улыбнулась Жанна.

– Геннадий Павлович, мое почтение, – Лаврушин выдвинулся вперед, и они обменялись с «черномором» рукопожатием.

– Степан Андреевич, рад видеть. Это вы нас сегодня везете?

– Ну а как же! Не мог же я пропустить финал? И билетики вот тут, – Лаврушин похлопал себя по карману кителя.

– Вам пора уже от нашего клуба годовой абонемент на все игры подарить, ей-богу!

Лаврушин засмеялся.

– Вот, девочки, рекомендую – Мухин Геннадий Павлович, один из лучших тренеров на сегодняшний день. А какой игрок был! – Лаврушин закатил глаза.

– Тьфу-тьфу, не перехвали, а то сглазишь, – Мухин покачал головой. – Рад буду видеть на игре. И вас, прекрасные дамы, тоже, – он чуть поклонился и прошел в салон.

– Эх! – Лаврушин потряс в воздухе кулаком. – Нам бы в финал... Ладно, принимайте пассажиров, и летим к победе.

Следом за Мухиным потянулись остальные спортсмены.

– Добро пожаловать.

– Приятного полета.

Губы растягиваются в профессиональной дружелюбной улыбке. В ней нет фальши. Просто один из элементов униформы. Но они любят своих пассажиров. Тот, кто не любит, не задерживается на этой работе, иначе несколько часов в замкнутом пространстве рано или поздно сведут с ума.

– Рассаживайтесь на свободные места, пожалуйста. – Улыбка, плавный жест рукой.

– Кормить скоро будете?

Жанна улыбается. Каждый раз кто-то спрашивает о еде именно на входе, сразу.

– После набора высоты вам будут предложены прохладительные напитки, а потом обед. Проходите. Приятного полета.

Следующий пассажир, улыбка, приветствие...

– Н-да... – Высокий парень лет двадцати пяти, с ровным южным загаром на лице, с фигурно выстриженными волосами в виде молнии на левом виске, застыл на кромке люка. Его глаза презрительно оглядели внутреннюю отделку самолета, равнодушно скользнули по бортопроводникам, чуть задержались на бейджике Жанны. Он хмыкнул. – А что, этот раритет сумеет оторваться от земли? Где только откопали этот кукурузник...

---

² Паксы – пассажиры на авиасленге.

Жанна почти открыла рот, но увидела выразительное лицо Натальи. «Молчи», – говорили ее крепко стиснутые губы.

– Добро пожаловать на борт. Приятного полета, – заученной мантрой выдохнула она.

– Угу, – буркнул парень под нос, но так, чтобы слышали все, – а еще говорят, что в стюардессы только красивых берут. Но, видимо, для этой лоханки лучше не нашлось.

Наталья с невозмутимым видом приветствовала очередного пассажира. Жанна не сомневалась, что обидную фразу та и не подумала принять на свой счет. Опять будет советовать своего чудо-косметолога. Жанна привыкла: Наталья и как бригадир, и как женщина реализовывала свой нерастраченный материнский инстинкт на членах экипажа. Пусть. А на хамство она давно уже не обращала внимания. Хотя про самолет было обидно. Да, у них не самый современный парк, внутренние перевозки и не требуют «боингов», но никаких серьезных происшествий за пятнадцать лет в компании не было. Так, мелочи всякие. Ни одного крушения.

Жанна чуть погладила бежевую отделку салона. Самолет вмещал всего сто пассажиров и был удобен как раз вот на таких коротких внутренних рейсах. «Не обращай внимания, ты самый лучший и надежный. Ты взлетишь и приземлишься. Все будет хорошо». Она привыкла разговаривать с самолетами. Ей казалось, что они понимают и даже прислушиваются к ее просьбам. Как тогда... Жанна сглотнула и непроизвольно стиснула карман, в котором хрустнул листочек с рисунком. «Это тебя просто кто-то хочет запугать. Кто-то, кто знает. Кто-то, кому ты оторвешь голову, когда...»

И тут она увидела его – того, кому секунду назад мечтала оторвать голову.

Дима поднимался по короткому трапу, придерживая на плече спортивную сумку. Ей даже показалось, что у нее галлюцинации от переживаний, но именно эта сумка (лично ей привезенная в подарок) и убедила: точно он: Дмитрий Астахов, Димка, Димон – бывший. Тот, кого она выгнала из своей квартиры и из своей жизни полгода назад. Выгнала со страшным скандалом и полицией. Потому что гений фриланса никак не хотел покидать такое уютное насиженное жилье с бесплатным обслуживанием и сексом. Конечно, она сама виновата, что позволила Диме сесть себе на шею.

Поначалу все выглядело очень даже радужно: она сидела дома, Дима зарабатывал денежку, не слишком большую, но все же им хватало на походы в кино и пиццу. И даже на поездки к теплему морю. Как обычно: средненькие три звезды, «все включено», угарное дискотечное веселье по вечерам. Но две недели турецкого отдыха кончались быстро, и снова наступало одуряющее безделье. Она даже в гости к немногочисленным подругам не могла выбраться: денег на посиделки в кафе или даже на торт к чаю Дима не давал. Он, конечно, объяснял это небольшими заработками, и лишь много позже она поняла, что Астахов просто жмот. Причем жмот только для нее. Как-то она нашла в кармане его джинсов чек на приличную такую сумму. Дима покупал себе носки в фирменном магазине. Три пары стоили ровно столько, сколько Дима выдавал ей на ведение хозяйства в неделю. С обязательным подсчетом потраченного и сверкой чеков.

Унизительность этой процедуры дошла до нее не сразу. Сейчас она прощала себе эту невосприимчивость. Тогда она все еще находилась в странно измененном состоянии души и тела. Когда же она из него вышла, Дима не сразу это понял, и объяснять произошедшие перемены пришлось наряду полиции. Сцена некрасивая и в ее биографии одна из самых неприятных. Но другого выхода она тогда не видела. И до сих пор была уверена, что поступила правильно, поставив точку в семейном вопросе таким радикальным способом. Хотя Дима так не считал, в чем она совсем скоро убедилась.

И вот теперь ее бывший сожитель готовился сесть в самолет, и бог его знает, что придет в его замутненную компьютерными прогами голову. Или уже пришло. Рука непроизвольно хрустнула в кармане сложенным листом бумаги с красноречивым рисунком.

Глава 4

Мухин всегда садился впереди, так, чтобы при желании наблюдать за своими орлами. Но чтобы они не видели его: не стоит им знать, чем он занимается в полете. Губы тронула улыбка. Он похлопал Усова, сидящего рядом с ним, по колену.

– Хватит грустить. Смотри, что я тебе из Греции привез. – Вжикнула молния на сумке.

Брови Усова взлетели вверх.

– Как ты пронес-то?

– Секрет. Волшебное слово знаю.

Усов чуть улыбнулся. Геннадий Мухин, наверное, мог считаться ему другом. Он знал про врача команды многое, возможно, даже многое такое, о чем сам Усов предпочел бы забыть. Например, о проблемах с алкоголем в недавнем прошлом. А также о коллекционировании дорогих напитков. Бар в доме спортивного врача напоминал выставку элитного алкоголя. Борьбу с пагубной привычкой Константин Усов решил вести по принципу «клин клином»: просто запретил себе пить дешевые напитки. Постепенно стал разбираться в марках и сортах коньяков, виски и джинов. На очереди стояло изучение винной продукции. Усов уже начал присматривать курсы сомелье.

Константин взял бутылку. Фирменный греческий напиток, настоянный на травах, лениво плескался внутри плоского прямоугольного сосуда.

– Не совсем элитный коньяк, как ты любишь, но все же не самый плохой экспонат для твоего бара, – Мухин постучал ногтем большого пальца по яркой желто-красной этикетке с греческими альфами, омегами и эпсилонами.

Усов улыбнулся. Бросить пить совсем он не мог и не хотел: пригубить вечером пахнущий дымком виски из широкого стакана или джина, отдающего хвойными иголками, считал делом благородным, способствующим работе мысли и улучшению пищеварения. Его бы и проблемы с алкоголем не сильно волновали, если бы одно не тащило за собой паровозиком ворох других, уже чисто медицинских диагнозов. Константин опасливо покосился на соседний ряд. Виктория смотрела в окно, ему было видно лишь ее маленькое ушко, за которое она заложила каштановую прядь, и красную капельку рубина на изящной мочке. Горло привычно перехватило спазмом. Он глубоко вдохнул и выдохнул. Как врач он знал, что излишняя плаксивость – признак неустойчивой психики, как влюбленный мужчина не мог не восторгаться этим великолепным произведением природы. Каждый раз, глядя на подходящую к их супружеской постели жену, он не уставал благодарить высшие силы за посланную ему на закате жизни любовь.

* * *

Бортпроводницы шли по салону, проверяя багаж на полках, укладывая его удобнее. Дима сидел в шестом ряду, на крайнем от прохода сиденье. Жанна двигалась в его направлении от хвоста самолета и думала, что же сказать. Тогда у трапа Дима проскочил мимо, даже не удостоив ее взглядом.

– Ручную кладь лучше разместить на багажной полке, – Жанна остановилась возле того самого наглеца с выбритым виском.

– Размещай, – парень сунул ей в руки фирменную спортивную сумку.

Ни слова не говоря, она взяла ее и закинула наверх. Бока внезапно стиснуло так, что у нее на какой-то миг перехватило дыхание. Она не сразу поняла, что это чьи-то руки, инстинктивно дернулась, но захват был крепок. Руки скользнули ниже, легли на ягодицы.

– Пустите, – прошипела она, безуспешно пытаясь освободиться.

– А ниче так, – хохотнул парень.

Перед глазами у нее тут же пронеслось: острые как бритва ногти проходят по холемым щекам, ребро ладони впечатывается в тонкий прямой нос...

– Эй ты, придурок! Ну-ка отпустил ее быстро!

Этот голос она еще не успела забыть. К тому же раз в месяц (а то и чаще) Дима звонил ей, все еще пытаясь вернуть былое.

– Отвали от нее, я сказал! – Дима стремительно двинулся по проходу.

Руки на ее бедрах разжались, и она отпрянула в сторону.

– Это ты мне, придурок? – Парень выскочил ему навстречу, широкой спиной загородив ей обзор.

«Хана Димке», – мелькнула у нее мысль, принесшая почему-то облегчение.

Раздался характерный звук удара, парень покачнулся, отступил. Еще удар. И еще.

– Эй-эй! – наконец опомнились остальные спортсмены.

– Борисов, ты совсем? – Рыжеватый парень выскочил в проход между драчунами, схватил приятеля, не давая ему размахнуться.

– Отвали, Федул, – рычал Борисов, силясь оттолкнуть препятствие.

Диму тоже кто-то уже держал, тот все еще рвался в бой. На его щеке разливалось красное пятно.

– Борисов! Игорь! Весь матч на скамье запасных! – хорошо поставленный голос пронесся по салону. Спортсмены замерли. – Всем сесть на места. Быстро! Я сказал, – последнюю фразу человек произнес уже почти шепотом.

Кругом стало тихо. Один Дима недоуменно оглядывался в поисках противника.

– Что тут происходит? – В пассажирский отсек вошел второй пилот. Жанна спешно оправила сбившуюся набок юбку. – Спрашиваю еще раз, что тут произошло?

Сзади него бежала Наталья и что-то шептала на ухо. Камаев слушал, чуть заметно морща красивые губы. Его глаза нашли Жанну и посмотрели то ли осуждая, то ли сочувствуя.

– Драка на борту недопустима, – Камаев перевел взгляд на Мухина, стоящего у своего места. – Я вынужден высадить нарушителей.

– Зачинщик драки не мой парень. Вон тот, – Мухин указал пальцем на Диму. – Мой только защищался. Этот не из команды.

– Не из команды? А что он тут делает тогда, позвольте спросить? На борту чартера?

«Вот именно, – мысленно поддержала его Жанна, – какого черта ты здесь?»

– Вы кто, молодой человек, как попали сюда?

– Я, Геннадий Павлович, от фанатского клуба, – спокойно ответил Дима и потер скулу. – Вы же сами дали несколько билетов для нас. Вот мы и летим. Поддержать команду, так сказать.

Четверо молодых мужчин в кепках с логотипом команды, приподнявшись с мест, закивали.

– Фанаты? А какого черта вы тут драки устраиваете? Поддержать они хотели!

– Вы сами покинете самолет или мне полицию вызвать? – Камаев уперся руками в бока и просверлил Диму тяжелым взглядом.

– Да сам уйду, вот тоже мне... – Дима фыркнул. Его веселые глаза остановились на Жанне. – Приятного полета, – подмигнул он.

В висок ей воткнулась острая игла. Дима подбросил ей письмо с падающим самолетом, Дима как-то пробрался на борт. Никакой он не фанат, ясное дело. Дима игрок, азартный. Любитель строить многоходовки. «Ты от меня так просто не отделаешься, – сказал он на прощание, уводимый нарядом полиции, – ты еще сама будешь просить меня вернуться». А по образованию Дима химик. Зачем он проник на борт самолета и теперь так легко соглашается покинуть его? И Дима единственный, кто знает ее тщательно скрываемый страх.

– Ильяс Закирович, подождите! Можно вас на минуточку? – Жанна спешно прошла мимо Борисова, сидящего на своем месте, протиснулась мимо Димы, взяла Камаева за рукав и утащила в кухонный отсек.

– В чем дело? – недовольно скривился Камаев.

– Я вас очень прошу, не надо никого высаживать. Я сама виновата. Не смогла справиться с ситуацией. Спровоцировала.

– Вы ему строили глазки, этому здоровяку, кокетничали? – Камаев усмехнулся.

– Нет, конечно, – вспыхнула она. – Как вы могли...

– По инструкции я обязан вызвать полицию и посадить дебошира.

– Тогда и этого высаживайте, второго. Он же меня лапал. Этот просто вступился. Вы же тоже не прошли бы мимо.

– Мимо чего?

– Мимо женщины в беде. Так ведь?

Камаев удивленно посмотрел на нее. От его взгляда ей стало неловко и радостно одновременно. Еще никогда они с Камаевым не разговаривали тет-а-тет. Дежурные приветствия, обсуждение рабочих моментов, не больше. Иногда ей казалось, что для второго пилота команда бортпроводников – обычное приложение к самолету, что-то вроде высотомера: проверен, работает, и хорошо.

Почувствовал, что Камаев колеблется, Жанна пустила в ход более сильный аргумент:

– Нам сейчас совсем не к месту скандалы. Я слышала, что у компании какие-то проблемы...

– Не слушайте сплетен, – нахмурился Камаев. – Ладно, если вы так настаиваете, пусть остается. Имейте в виду, что если ваш рыцарь снова полезет в драку, то отвечать будете вы.

– Не полезет, я прослежу, – она улыбнулась. – Спасибо.

Жанна выглянула в салон и глазами показала Наталье, что вопрос улажен, та одобрительно кивнула и подтолкнула Диму к его креслу.

– Займите свое место. Мы скоро взлетаем.

Дима пожал плечами и плюхнулся на сиденье. Мухин оглядел спортсменов, погрозил всем пальцем и тоже сел.

– Дамы и господа... – раздался в динамиках приятный женский голос, – наш самолет готовится к взлету. Просьба пристегнуть привязные ремни и привести откидные столики в вертикальное положение.

Жанна еще раз пробежалась по своей половине салона, стараясь не встречаться глазами ни с Димой, ни с этим, вторым, Борисовым. С другой стороны прошла Майя. На середине они встретились, улыбнулись друг другу и вернулись к своим точкам.

Пока самолет почти незаметно тронулся с места и порулил на взлетную полосу, Наталья показывала пассажирам «пантомиму»³, объясняя порядок эвакуации и правила пользования кислородными масками. Никто, конечно, не смотрел. Все думают, что это все так, для галочки. И не дай бог окажется, что все это надо будет применить. Не дай бог.

Наталья закончила и тоже села на откидное сиденье рядом с ней. Самолет встал на изготовку, взревели двигатели, Жанна, пристегнутая ремнем к спинке кресла, вжалась в подголовник затылком. «Шел суслик по лесу, шел суслик по лесу... – вертелась в голове привычная речевка. – Один, два, три, четыре, пять... – На тридцать пятой секунде шасси оторвались от земли. – Тридцать пять, в сумме восемь, удвоенное число смерти в Китае. Нет, не так. Тридцать пять это семь раз по пять. Семерка – это к удаче, пятерка...»

Кто-то тронул ее за плечо. Наталья. Все кончилось. Взлетели. Руки автоматически отстегнули ремни. Глубокий вдох. Специфический самолетный воздух наполнил легкие, но

---

³ «Пантомима» – на авиасленге демонстрация пассажирам аварийно-спасательных средств.

они, изголодавшиеся по кислороду за минуты взлета и набора высоты, были и этому рады. «Однажды я забуду, что во время взлета надо дышать, и умру по-настоящему», – Жанна незаметно вытерла мокрый лоб и присоединилась к напарнице, которая уже достала контейнер и готовилась к выходу в салон для раздачи напитков.

– Видела, как наш Илюша глазами сверкал? – шепнула Наталья. – Не успела сказать, что тебя пассажир лапает, коршуном вылетел.

– Зачем?

– Я обязана докладывать о происшествиях на борту.

– Нет, зачем сказала, что из-за меня драка началась?

– А из-за кого?

Наталья посмотрела на нее невинным взглядом голубых глаз. Жанна вздохнула. Не надо было откровенничать с Наташкой, нет, определенно не надо. Она ведь по доброте душевной сейчас начнет проявлять своднические инстинкты, присущие почти каждой замужней женщине. Это она еще не знает, что второй участник драки ее бывший. Как же ей пережить этот безумный рейс? Упаковка пластиковых чашек выпала из ее все еще слегка дрожащих рук.

– Уважаемые пассажиры, наш полет происходит на высоте девять с половиной тысяч метров, температура за бортом минус сорок семь градусов. Время в пути составляет три часа пятнадцать минут.

Голос Лаврушина включил ее в рабочий режим. Теперь можно снова дышать, улыбаться, выполнять обязанности. Три часа спокойной жизни до очередной маленькой смерти.

Глава 5

– Что, Ген, довели тебя ребятушки? – прохладные пальцы Усова коснулись запястья. – Давно давление мерил?

Мухин руку у него отобрал и ей же махнул.

– Мерил, мерил. Что там мерить, и так знаю.

– И таблеток у тебя с собой, конечно, нет? – Усов хмыкнул, потянулся к серебристому чемоданчику, поставил на колени, щелкнул замками.

– Отстань, Костя! Ей-богу! Организм сам справится. Не мешать, и только. Вот вы, врачи, привыкли на всякую химию народ подсаживать.

– Да не в том ты возрасте, чтобы организм сам справлялся. На! Это нормальные таблетки. Наши, отечественные. Старый надежный клофелин.

Мухин посмотрел на блистер, потом на Усова, еще раз на блистер, вздохнул и сунул упаковку в карман.

– Хлебом не корми – дай о возрасте лишний раз напомнить. Держи лучше свой подарок.

– Спасибо, Ген, что не забыл. Как там в Греции?

– В Греции все есть, – пошутил Мухин. – Ну как, угодил?

– Еще бы, – Усов улыбнулся. – Как тебе удастся досмотр обходить? В прошлый раз тоже ведь что-то такое на борт пронес?

Мухин развел руками. Сотрудники аэропорта тоже люди, и большая половина из них мужчины, а значит, потенциальные болельщики. Безошибочным чутьем Геннадий узнавал не просто болельщика, а фаната, и дальше все шло по накатанной колее. Если запретный груз находили, Мухин просто ждал, пока инспектор предполетной проверки скажет все, что положено говорить в таких случаях, а потом, видя спокойный взгляд тренера, воровато оглянется и слегка махнет рукой, проходите, мол, и добавит что-то вроде: «Без победы не возвращайтесь». Мухин поднимал сжатую в кулак руку, обещая, что как же можно по-другому. Только победа, и никак иначе.

– Вода, сок, – речитативом проплыло по ряду. Стюардессы катили мимо тележку с напитками.

– Барышня, – Усов, прочитал имя на бейджике бортпроводницы, – дорогая Наталья, дайте-ка нам сока яблочного и два пустых стаканчика.

Стюардесса лишь на миг замешкалась, а потом с улыбкой подала Усову требуемое. Тележка покатила дальше. «Вода, соки...»

– Если уж говорить о надежности, что может быть лучше проверенного средства? – Усов скрутил бутылке жестяную голову. – С давлением не шутят, Костя.

– Ну, уж если сам врач говорит, что надо, давай.

Усов плеснул в стаканчики немного темно-янтарной жидкости.

– Костя?

Они оба повернули головы. С соседнего ряда, вытягивая шею, смотрела Виктория.

– Это сок, – Усов поднял стакан повыше.

Она укоризненно покачала головой и тут же уткнулась в телефон.

– Бдит, – тихонько сказал Усов, – боится, сорвусь.

– И правильно делает. Не хотелось бы тебя терять, Костя.

– Нет, – Усов мотнул головой. – Не сорвусь. Еще немного, и уговорю Викусю на ребенка. И тогда уж точно. Ребенок как якорь – от всего удержит. И ее тоже, – добавил он вполголоса.

– Ну-ну, – то ли согласился, то ли возразил Мухин. – Давай за победу, – выдохнул и влил содержимое стакана в рот. – Эх, хороша штучка!

– Ага, – сморщился Усов и запил коньяк соком. – А будет? Победа-то?

Мухин посмотрел на него долгим взглядом и смял стаканчик в руке.

– А нам по-другому нельзя, Костя. Знаешь, что на кон поставлено? То-то.

Усов с сожалением посмотрел на бутылку и решительно сунул ее в боковой карман спортивной сумки, стоящей у ног. Подумав еще немного, он встал и затолкал сумку на полку над головой. Вот так, от соблазна подальше. Сел, откинулся в кресле и прикрыл глаза. Ничего, все будет хорошо. Главное, Виктория в последнее время ведет себя более-менее спокойно. Это было хорошим признаком. Тут надо просто не нарушить хрупкое равновесие. Он вздрогнул, почувствовав рядом знакомый аромат. Виктория что-то искала на полке над его головой.

– Викуся, что случилось? – встрепнулся он.

– Ничего, – буркнула жена, – электронную книгу, кажется, в твою сумку пихнула.

– Я помогу, зайка, – Усов приподнялся.

– Отстань, – отрезала Виктория, – не смейши народ. Нет, ну правда, Костя, только недавно обсуждали, что эти твои сюси-пуси смешны. Ты же знаешь, как я этого не люблю. Сиди уже.

– Как скажешь, дорогая. – Усов посмотрел в перегородку прямо перед собой. Ну да, был такой разговор. Викуся просила не называть ее на людях всякими уменьшительными именами, мол, бесит ее. Он незаметно сжал руку в кулак. Ничего, все образуется. Их спасет ребенок. Надо просто подменить ей таблетки. Подсунуть вместо противозачаточных какие-нибудь другие. А что? Хорошая идея. Он усмехнулся. Врач он или кто, в конце концов.

* * *

Тележка катилась по проходу, приближаясь к месту, где сидел Дима. Жанна двигалась спиной, лопатками ощущая его взгляд. «Вот устался, – с раздражением думала она, – прямо нарывается. – Она резко повернулась и оторопела. Место Димы пустовало. – Вот тебя клинит, подруга, – посетовала она, – скоро везде будут мерещиться косые взгляды и прочая чушь. Никто на тебя не смотрит, никому ты не нужна. Успокойся уже!»

И тут Наталья показала глазами на что-то за ее спиной. Стараясь не делать резких движений, Жанна обернулась: Димин чубчик торчал у десятого ряда, как раз возле места наглеца Борисова. Жанна посмотрела на коллегу, Наталья еле заметно пожалала плечами. Тележка медленно поползла дальше: мимо шестого ряда, мимо восьмого, где сидела хорошенькая блондиночка, жена одного из хоккеистов, как поняла Жанна. Сам хоккеист спал, откинувшись в кресле. Блондинка поднесла палец к губам. Жанна улыбнулась и молча показала ей пустой стаканчик. Блондинка кивнула и ткнула пальцем в коробку сока.

– Вода, сок? – безличным голосом спросила Жанна, поравнявшись с десятым рядом.

– Вода.

– Сок. Томатный.

Кто из них что попросил, она даже не заметила. Главное, что они сидели и мирно (вроде как) беседовали. Дима решил помириться, принести извинения? Как не похоже на него. Скорее он бы устроил какую-нибудь провокацию. Да бог с ним. Лишь бы дальше без происшествий.

Жанна сунула пустую упаковку сока в нижний отсек. Томатный сок разбирали в первую очередь. Нарушение водно-солевого баланса сказывается. И от него же потом очереди в туалет. Томатный сок коварен. Жанна его терпеть не могла, и Таня тоже.

Второй раз они оказались в одном экипаже где-то недели через две после первой встречи. Их поставили на одну точку, и весь полет туда и обратно Таня как-то умело ей подсказывала, что делать, что Жанна даже не замечала, что это именно подсказка. А поняв, испытала неловкость и благодарность одновременно. Потом Таня предложила подвезти ее до метро, и она сначала радостно согласилась, а потом уже начала рефлексировать.

– Ой, не парься, – догадалась Таня. – Мне не трудно. Поболтаем по дороге.

Незаметно для себя Жанна рассказала новой знакомой всю свою нехитрую жизнь. Таня слушала и кивала, изредка подавая реплики, от которых у Жанны непроизвольно вырывались смешки.

– Слушай, может, не стоит тебе сегодня на свой Комендантский пилить? У меня квартира на Ленинском. Оттуда до аэропорта всего ничего.

– А ты что, одна живешь?

Таня пожала плечами:

– С недавних пор одна. С парнем поссорилась. Да и шут с ним. Ну так что, поедешь? Чайку попьем и спать. Сил нет, как устала.

Глаза у Тани и правда были чуть ословевшие, но она тем не менее уверенно вела «Хонду» в потоке машин. И Жанна представила, что не надо тащиться через весь город, а потом еще на автобусе до квартиры, которую она снимала на двоих с такой же новенькой стюардессой, и тут же захотела спать: есть и спать, и кивнула.

Они действительно почти в молчании выпили по чашке чая и разбрелись по комнатам. Жанна уснула, едва коснувшись головой подушки. Диван был такой удобный, гораздо удобнее продавленной тахты на Комендантском. Зато там было не так дорого, хоть и далеко. Утром она нашла на столе записку: «Меня дернули в рейс. Ключи на крючке возле двери. Когда будешь уходить, заберешь с собой, при встрече отдашь. Еда в холодильнике». И Жанна тогда весь день провалялась на диване, с книжкой в руках и кружкой чая. А вечером улетела в Мюнхен. А потом сразу в Рим. В одном рейсе они встретились примерно через месяц. Жанна тут же вытащила ключи, чтобы отдать, Таня лишь рукой махнула.

– А, оставь. Это все равно лишние. Поехали сегодня ко мне? А то скучно в пустой квартире, – она вздохнула и добавила: – и страшно.

Вот так и получилось, что она потихоньку перебралась к Тане насовсем, хоть и не переставала мучиться совестью о своем нахлебничестве.

– Не парься, – любила повторять Таня. – Коммуналку и питание на двоих делим, и чего еще надо-то. Тем более что дома нас и не бывает.

– А если твой парень решит вернуться? – спрашивала Жанна, боясь, что своим присутствием помешает Тане устроить личную жизнь.

– Не, не вернется, – Таня подкинула на ладони ключи. – Я замок поменяла, – и добавила после паузы: – уже третий. Не выдерживают мужики наш ритм жизни. Ну и пес с ними. Зато мы с тобой весь мир объездим, все города и страны. А они пусть канал «Дискавери» смотрят.

Жанна кивнула и только потом поняла, что города и страны иногда видно лишь с верхней ступеньки трапа. Но иногда... о, иногда бывали так называемые эстафетные рейсы, когда надо было ждать несколько дней прилета очередного самолета, и вот ради этого и стоило терпеть все неудобства профессии. Где они только не были за три года своей дружбы, не передать просто. Каких приключений не испытали! Правда, иногда она предпочитала обо всем этом забыть и даже радовалась, что летает исключительно на региональных рейсах – так было меньше возможности попасть в то же место, где они когда-то были вдвоем. Потому что каждый раз у нее от воспоминаний наворачивались слезы, а она уже давно запретила себе плакать.

Тут Наталья нечаянно наехала телегой ей на ногу, Жанна негромко зашипела и вернулась из воспоминаний на землю, вернее, на борт самолета. И тут же поняла, что они почти доехали до конца салона. Все время она исправно, на автомате, разливала воду и соки по стаканчикам и даже никого не облила. Что ж, как говорила та же Таня: «Мастерство не пропьешь».

* * *

Антон и Майя в хвостовом отсеке готовились к сбору мусора перед тем, как начнут раздавать обеды, потом опять собрать мусор, потом чай-кофе, потом соки-воды, конфеты-леденцы, а там уже и конец пути близко. Стюардам в полете отдыхать некогда.

– Антон, а это правда, что твой отец большой начальник в «Аэрофлоте»?

Фролов пожал плечами:

– Ну, как сказать – большой. Нет, скорее средненький.

– А, – разочарованно протянула Майя, – поэтому ты на внутренних рейсах летаешь?

– Не поэтому, – усмехнулся Антон. – Я невыездной.

– О! А что так?

– А любопытной Майке оторвали нос на Ямайке.

– Ну серьезно!

– И я серьезно. Ничего особенного, просто на меня уголовное дело в Италии завели за вождение в пьяном виде. Вот теперь тут искупаю вину.

– А я не была в Италии, – Майка вздохнула.

За шторкой в салон мелькнула женская фигура, хлопнула дверь туалета.

– Ну будешь еще, какие твои годы.

– Ой, так говоришь, будто старше namного.

Дверца туалета хлопнула еще раз. Майка нахмурилась, обдумывая некую мысль, пришедшую в голову.

– Ну что, поехали? – Антон раздернул шторы и попятился задом, готовясь выкатить тележку в проход.

В это время в отсек вошел парень со светлыми, слегка рыжеватыми волосами. Антон притормозил, давая возможность пассажиру зайти в туалетную кабинку. Парень дернул ручку туалета на себя, дверь не поддавалась.

– Вот же гадство! – буркнул он.

Щелкнул замок.

– О, Федул! – из кабинки вышел тот самый хоккеист, устроивший драку. – Слушай, дело есть, – он крепко взял его за плечо. – Пойдем, перетереть надо.

Антон подмигнул Майке и снял тележку с тормоза. Они медленно поползли вдоль рядов.

* * *

Самсон Федулов, которого чаще звали просто Федулом, с недовольным видом уселся на последний ряд слева, куда его чуть ли не силой усадил Борисов.

– Ну, что надо?

Борисов плюхнулся на сиденье рядом.

– Ну, брось, Федул. Я же все понимаю. Я не виноват, что меня кэпом сделали вместо тебя. Я же не просил.

– Да мне пофиг, – буркнул Федулов. – Ну сделали и сделали. Тренеру виднее. Капитанствуй.

– Во-о-от! Я так и думал, что ты все правильно поймешь. Давай выпьем за дружбу.

– В смысле?

– В прямом, – Борисов чуть отогнул край олимпийки, показывая горлышко бутылки. – У тебя закуска есть какая?

Федулов чуть задумался, обида на Борисова, конечно, была. Ерунда, что тренер решил, Игорь мог бы и отказаться. Мало они ледяной крошки вместе глотали? Но в том, что его сняли

с капитанов, сам виноват. Сглупил, прокололся на ерунде. А Борисов так-то парень ничего. Но уж больно прыткий: не успел в команду прийти, уже в любимчиках оказался. Да и черт с ним! От туалета к своему месту в первом ряду прошла, чуть покачивая бедрами, Вика, обдав их волной парфюма. Ей пришлось притормозить, ожидая, пока стюарды протащат тележку дальше. Он проводил ее взглядом, испытывая смутное беспокойство.

– Ну, так чего с закусью? – Борисов вернул его в реальность.

– Да нет у меня ничего.

– Тогда давай так. За дружбу. Или ты против?

Федулов посмотрел пару секунд ему прямо в глаза и кивнул.

Борисов сунул руку под олимпийку, и оттуда донесся звук откручивающейся крышки.

Глава 6

Это время от взлета до обеда нравилось ей больше всего: подогреть касалетки, раздать горячее, разнести напитки, собрать мусор – ни одна пакостная мыслишка не подберется. Жанна бегала по салону, выполняя просьбы пассажиров, стараясь угодить, окружить заботой – все, чтобы только не думать о приближающемся пункте назначения. Нет, Наталья ошиблась, рейс очень даже хороший. На самом деле это не рейс, а мечта. На четвертых стюров всего тридцать пять паксов.

Она вспомнила свой первый стажерский рейс. Огромный аэробус, набитый под завязку. Летели в Алматы. Она путалась в самых простых вещах, совершала нелепые ошибки и готова была разреветься от осознания, что мечта обернулась тыквой. Но природное упрямство взяло верх, и к концу рейса она полностью взяла себя в руки и даже заслужила одобрение бригадира, когда смогла успокоить крикливого младенца, всю дорогу терроризировавшего пассажиров истошными воплями. Через месяц она уже со смехом вспоминала этот свой первый «провальный» рейс. Так что рейс с полупустым самолетом можно было воспринимать как легкую прогулку в облаках. Если бы не Дима, вообще было бы замечательно. А нахал, лапавший ее... ой, да мало она может вспомнить рейсов, где ее как бы невзначай не пытались тронуть за коленку или какое другое место. А паксы из бизнес-класса – это отдельная тема. Эти считали, что стюардесса должна отработать каждый потраченный на билет рубль, гоняя ее по своим надобностям, даже не успев сесть в кресло. «Детка, принеси-ка нам коньячку. Да, и лимончик. И свежую газетку. И плед. И подушку...» Нет, этот рейс определенно просто отдых.

Шторка дрогнула, та самая миловидная блондинка нерешительно вошла в кухонный отсек.

– Чем могу помочь?

– Хотела спросить, а что на обед будет? Видите ли, у мужа особое питание. Ему по часам надо.

– Куриная грудка, говядина и форель. Гарнир – овощи: фасоль, капуста цветная. Так заказал арендатор самолета: футбольный клуб, как я понимаю.

Блондинка просияла.

– Спасибо. В прошлый раз летели, так там макароны были и картофель. А Кириллу этого ничего нельзя. У него вес критический. Знаете, спортсмены – заложники веса.

– Знаю, – кивнула Жанна, – стюардессы тоже. У нас лишний вес – криминал.

– Меня Алена зовут, – представилась блондинка. – Вы спортом раньше занимались? – Алена уверенно оглядела Жанну с ног до головы профессиональным взглядом.

– Вообще-то да. Фигурным катанием. Давно.

– Я почему-то так и подумала, – Алена радостно хлопнула в ладоши. – По осанке видно. Я тоже каталась, и тоже давно. Опасный спорт. Падения, травмы. Но зато вот мужа себе нашла. Кирилл очень способный, только нерешительный. Не умеет за себя постоять. Настоять где нужно. Знаете, какой у него удар?

Жанна вежливо кивнула. Да, фигурное катание – еще одна боль в биографии. Когда желания не совпадают с возможностями. И мужа она там себе не нашла. Скорее наоборот.

– Простите, – она постаралась сказать это как можно мягче, – сейчас будет обед, пройдите на свое место, пожалуйста.

Алена понимающе прижала руку к груди и вышла.

– Ну что, едем? – из кабины пилотов вышла Наталья с пустой посудой. – В следующий раз в кокпит чай-кофе ты понесешь. – Жанна изобразила недоумение. – Да, Степан наш Андреевич совсем на хоккее этом помешался. Только и разговоров, что про матч да какие у нас шансы. Ох, не завидую Камаеву, достанет он его к концу полета.

– Переживет. Думаешь, у него нервы есть?

– Не говори так. Он у нас лицо пострадавшее. Тут мне по секрету кое-что рассказали.

Жанна выгнула брови в немом вопросе. Она чуралась сплетен, но узнать что-то про неприступного Камаева...

– Интересно? – хихикнула Наталья. – Вижу, что интересно. Расскажу. Потом. Сначала работа.

Жанна мысленно погрозила ей кулаком. Наталья любила раззадорить, а потом выдавать по крупицам новости. Майка и Антон ходили за ней по пятам и выпрашивали подробности. Нет, такого удовольствия она ей не доставит. Будет сохранять безразличие, пока Наталья сама не расскажет. А она не вытерпит. Ей же эта тайна самой язык жжет. Вот интересно, сколько бы Наталья дала, чтобы узнать, почему Жанна перешла из огромного авиахолдинга сюда, в небольшую региональную компанию? А может, и так знает? Наталья как-то всегда рано или поздно все вынюхивала и гордилась осведомленностью.

Пассажиры, пользуясь тем, что их меньше, чем мест в самолете, вольно расселись по всему салону. Но бóльшая часть сосредоточилась в середине. Лишь Борисов, которого она не называла иначе, как «брить нахал», демонстративно сидел на последнем, двадцатом, ряду по левому борту. Одно время с ним рядом сидел еще один парень, тот самый, который утихомиривал его во время потасовки. Правда, увидев тележку с обедами, поспешил сесть на свое место.

Борисов взял рыбу, окинув Жанну равнодушным взглядом. «Слава богу, – поблагодарила она Вселенную, – не обращай на меня внимания и дальше».

Небольшая передышка, и снова в путь. Теперь очередь горячих напитков. Украдкой посмотрела на часы. Почти половина пути пройдена. Ладно. Беспокоиться нечего. «Я в тебя верю, – похвалила она самолет, – ты лучший. Я тебе подарю...» Жанна задумалась. Где-то она прочитала про какую-то то ли гавайскую, то ли еще какую технику благодарения. Мол, Вселенная откликается на наши просьбы, но для наглядности надо ей что-нибудь подарить. Так как Вселенная многообразна, то самолет – это тоже ее частичка, потому дарить надо что-то подходящее случаю. За столько взлетов и посадок передарено было все: и новенькая ливрея в цветочек, и всевозможные технические штучки, и даже совсем уж нелепые вещи. Но, видимо, самолетам (а с ними и Вселенной) это все нравилось, поэтому Жанна не уставала придумывать все новые и новые варианты подарков. В этот раз пусть будет... Она представила второго пилота с закатанными по локоть рукавами белой рубашки, весело намывающего самолет французским шампунем. Картинка ей понравилась, она улыбнулась, вообразила самолет, блестящий в лучах солнца, и поняла, что подарок зашел.

Они медленно катились по проходу, разливая чай-кофе, отвечая на всевозможные вопросы. Парни после обеда были настроены благодушно и не прочь пошутить. Стюардессам оставалось только с улыбкой принимать комплименты да отшучиваться.

– Смотри, снова буча, – кивнула Наталья на что-то за ее спиной.

Жанна мельком глянула назад. Возле хвостового отсека скопилась небольшая очередь в туалет. Трое парней о чем-то громко спорили. Борисов сидел вполоборота к товарищам по команде и что-то говорил с презрительной улыбкой. Чернявый парень, стоящий напротив, видимо, был не согласен. Он быстро жестикулировал и что-то отвечал, сверкая агатовыми глазами.

* * *

– Арамчик, ты зря кипишишься, ты же знаешь, что я прав, – Борисов снисходительно усмехнулся. – Просидишь на скамейке запасных до тридцатки, будут тебя выпускать на лед на пару минут за игру во втором и третьем тайме. Потом уйдешь в школу физруком. Ну, если

повезет, возьмут детишек тренировать в какой-нибудь спортцентр. Это если повезет. Это если твои друзья, такие же неудачники, как и ты, эти места раньше не займут.

– Зачем так говоришь, – Арам Тевосян сверкнул потемневшими от гнева глазами. – Злой ты человек, Борисов, совсем плохой.

– Скажи, что я не прав и ты об этом никогда не думал? Думал же? То-то. Ой, и не сверкай так глазами, а то я испугаюсь.

– Испугаешься, Борисов, еще как испугаешься, – пообещал Арам, раздувая ноздри большого фамильного носа.

– Да ты всегда только обещаешь и никогда не делаешь. Как-то скучно уже.

– Да я тебе сейчас покажу, как я выполняю...

Жанна продолжала раздавать напитки, невольно прислушиваясь к перепалке в конце. Вот же скандальный характер у этого Борисова. Или, вызывая на себя столько негатива, он подпитывается таким образом? Есть же энергетические вампиры, как говорят некоторые психологи. А вдруг и Камаев такой же вампир? Подсадил ее на себя и теперь наслаждается ее страданиями. Она тут же мысленно махнула рукой на эти нелепые мысли. Дурацкая и какая-то словно детская влюбленность в него мешала жить только ей, никак не Камаеву, который ее и не замечал совсем. И это было грустно. Так грустно, хоть плачь. Была бы она посмелее, вон как Наташка, давно бы дала мужику понять, что он ей нравится, и там будь что будет. Но нет. Она никогда не умела озвучивать свои желания и требовать, если надо. Сколько терпела Димкины выходки, пока он не перегнул палку: захотел, чтобы она ушла из авиации, причем озвучил свое желание в ультимативной форме.

Как же ей не хватало советов мудрой и никогда не унывающей Тани. Вечная боль, вечная грусть. Таня бы справилась с Камаевым на раз, два, три. Быстро бы поставила на место. Нет, она бы просто излечила ее от этих нелепых чувств, сказав что-нибудь вроде: «Зачем тебе этот напыщенный индюк? Давай лучше в клуб. Я тебе такого “чоткого” пацана сейчас найду – пальчики оближешь», и рассмеялась бы звонким переливчатым смехом, увлекая и ее в это веселье.

Тележка почти поравнялась с местом Алены. Ее муж все еще спал, подложив под шею надувную подушку. Алена беспокойно оглядывалась, хмурилась, вертелась на кресле, потом встала и быстро пошла в хвост. Жанна переглянулась с Натальей. Потом обе вздохнули. Поговорка про ложку дегтя в авиации была верна на сто процентов. У тебя могут быть идеальные пассажиры, но вот попадетсЯ один скандалист, и все – не рейс, а мучение, так и жди, в какой момент рванет. Ну ладно, зато у второго пилота будет повод проявить себя героически. Пусть попробует утихомирить дебошира, если тот вконец разойдетсЯ. И тут все стихло. Жанна повернулась. К очереди в туалет присоединилась Алена. Парни примолкли, разулыбались. Надо же, какие тут у них «высокие отношения».

* * *

– Мальчики, у вас тут очередь? – Алена подошла и тронула Арама за руку, тот дернулся и тут же обмяк, как проколотый плавательный круг.

– Проходи, Ален, – Арам подвинулся, пропуская ее вперед.

– Спасибо, я подожду. Посажу тут рядом с Игорем, – она сделала два шага и ловко опустилась на сиденье.

– Иди-иди, Арамчик, – сказал ему Игорь, кивая на дверь в туалет, который только-только освободился, – береги простату, больше-то у тебя ничего стоящего нет.

Арам стиснул зубы, посмотрел на Борисова, на Алenu, которая покрылась легким румянцем, и, пробурчав что-то по-армянски, ушел.

Когда тележка доехала до последнего ряда, очередь рассосалась, Алена сидела рядом с Борисовым и что-то ему рассказывала, Борисов слушал, изредка кивая.

– Чай, кофе? – спросила Жанна.

Алена отрицательно покачала головой.

– Кофе, – буркнул Борисов, окинув стюардессу неодобрительным взглядом. Из-за нее на него наорал Палыч. Подумаешь, тронул за мягкое место. Недотрога тоже вот нашлась. От них, от баб, все зло. Он раздраженно кинул взгляд на дисплей айфона, где мигал значок новых сообщений.

Вот привязалась как репей, надо будет заканчивать этот цирк. Эта игра привлекала поначалу, когда еще неясно, кто кого. А тут уже ясно, кто кого и, главное, как. Щелкни он пальцами, побежит, теряя тапки. Неинтересно. Нужен новый объект. Он покосился на Алену, улыбающуюся всем подряд. Почему-то мысль, что ее можно рассматривать как объект желания, никогда не приходила к нему в голову. Во-первых, Кирилл, да... во-вторых, это же Алена. Против воли он улыбнулся.

Отец всегда говорил, что все друг друга используют: дети родителей, родители детей. Даже друзья не дружат просто так. Учил его: «Помни об этом. Используй всех, кого можешь, а сам не давайся». Весь его жизненный опыт кричал, что отец был прав. Он и сам уже убедился в этом на практике, и ощущение власти над кем-то давало такой мощный заряд энергии, такое несказанное удовольствие, что куда там... Поначалу он научился управляться с женщинами. Но они быстро надоедали ему. И тогда он выбрал противника посерьезней. Совсем серьезного. И поначалу думал: не справится. Однако получилось. Справился. И вот от этой своей тайной власти он испытывал уже почти нечеловеческое наслаждение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.